

Олег Михай

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

Олег Михай

Всему свое время

«Автор-Онлайн»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)64-44

Михай О.

Всему свое время / О. Михай — «Автор-Онлайн», 2019

ISBN 978-5-6043128-2-7

Этот сборник коротких новелл рассказывает о сломе эпох, падении колосса под названием СССР. Трагичность происходящего иногда перерастает в фарс, а иногда и в смех. Зарисовки про КГБ показывают таинственную и могущественную организацию изнутри. Зачастую её сотрудники не похожи на рыцарей революции, как их тогда называли. Они обычные люди и ничто человеческое им не чуждо. В этих рассказах — боль от развала Советского Союза и сегодняшнего беспокойного времени нашей страны. Слом эпох продолжается...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-6043128-2-7

© Михай О., 2019
© Автор-Онлайн, 2019

Содержание

Об авторе	5
Про КГБ	7
Фуражка	7
Ротвейлер	9
Жаленков	11
Афган	14
Сержант	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Олег Михай

Все́му свое время. Истории о СССР, КГБ, войне и советских людях

*Все́му свое время, и время
всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать;
время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать; время
разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться;
время сетовать, и время плясать;
время разбрасывать камни,
и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять;
время сберегать, и время бросать;
время раздирать, и время шивать;
время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть;
время войне, и время миру.*

Ветхий Завет. Книга Екклезиаста

Об авторе

Олег Михай родился на Украине в семье военного, пошёл в первый класс в Узбекистане, служил в армии в Афганистане, затем в КГБ Казахстана. С 1993 года – в России. Руководил бизнес-структурами в Краснодаре, Сочи, Москве, Владивостоке, Улан-Удэ. Сейчас живёт в Санкт-Петербурге.

Биография и жизнь Олега Михая отразилась в этом сборнике коротких новелл, который рассказывает о сломе эпох, падении колосса под названием СССР. Трагичность происходящего иногда перерастает в фарс, а иногда и в смех.

Эссе «Сержант» основано на реальной истории, которая произошла с автором и его однополчанами в период ввода советских войск в Афганистан. Как продолжение и дополнение «Сержанта» звучат и остальные афганские рассказы.

Зарисовки про КГБ показывают таинственную и могущественную организацию изнутри. Зачастую её сотрудники не похожи на рыцарей революции, как их тогда называли. Они обычные люди и ничто человеческое им не чуждо.

В этих рассказах – боль от развала Советского Союза и сегодняшнего беспокойного времени нашей страны. Слом эпох продолжается...

Про КГБ

Фуражка

Хмель постепенно уходил из моей головы. Я стоял напротив гардеробщика. Дед, который скорее всего в Большую войну партизанил в белорусских лесах и наверняка перебил кучу немецко-фашистских захватчиков, говорил мне спокойно и ласково, заглядывая в глаза:

– Сынку, я ж тэбэ говорю, что фуражки закончились...

– Батя, так я тебе номерок же дал от моей фуражки, ты у меня ее принял, когда мы в ресторан пришли...

– Да я ж старый, вы как набежали все, всем фуражки надобно... Все спешат, орут, матюкаются... Ну, я и начал их выдавать подряд... а номерки... вот – бросаю в угол. Какой-то пострел, наверное, две взял...

Дед показал мне коробку, полную номерков. В гардеробе я стоял один, последняя группа моих однокашников в зеленых рубашках с новенькими погонами, гогоча, вываливалась из кабака и бегом исчезала в ночи. Почему бегом – понятно: до школы два-три километра, быстро можно успеть только бегом через парк. Поверка начиналась через пятнадцать минут.

– Дед, меня из-за этой фуражки со службы выгонят!

– Да не выгонят, в вашей школе шпиёнов, небось, командиры тоже понимающие... Ты уж меня прости, старого! Вот могу дать только вот эту... Прошлый раз ваши здесь в фойе с милисьонэрами дрались, она и осталась, я ее подобрал.

– Так это не фуражка, а блин какой-то, да и блевотиной воняет!

– Сынку, бери хоть таку... и беги, беги, ваши-то вон уж за углом скрылись...

Подбегая к зданию школы, я был уже трезв, как стекло. В левой руке я держал облеванную фуражку кого-то из наших, потерянную в боях с милицией. Это была известная потеха. По выходным офицеры школы надирались и «нарушали общественный порядок», вызывался наряд милиции, с которым офицеры вели зачастую неравный бой. Все знали – если тебя заберут в отделение, наверняка будет отчисление из школы. Но не за то, что ты милиционера побил, а за то, что «попал в плен». Поэтому бой вели обычно «до победы». Да и милиция не очень любила и боялась забирать курсантов школы шпионов, хлопот потом много было, да и драться офицеров учили хорошо.

Придерживая левой рукой головной убор, чтобы гадость не попала на голову, правой я отдал честь встречающему нас дежурному офицеру на проходной. Весёлый капитан зычно покрикивал:

– Тов-в-варищи офицеры, до закрытия КПП одна минута! По приказу начальника школы опоздавшие завтра будут отчислены! По-о-оспешаем!

За мной смогли нестройно пройти мимо дежурного ещё двое, которые друг друга поддерживали и запутались в турникете. Один из них так честь и не смог отдать, потому что часто и громко икал. Внутри двора курсанты курили, кто-то лежал прямо на плацу и стонал. Надо было ещё пройти поверку перед сном, а для этого подняться на третий этаж, в коридор общежития.

Заканчивался день присвоения очередных офицерских званий на Высших курсах КГБ СССР в городе-герое Минске в республике-герое Белоруссии. За шесть часов до этого в актовом зале начальник школы зачитал приказ Председателя КГБ СССР о присвоении очередных званий. Генерал славился большим либерализмом, он много лет отслужил резидентом в одной из европейских столиц «стран главного противника», был похож на Джеймса Бонда и Алена Делона одновременно. Ему был очень к лицу генеральский парадный китель кристально белого цвета:

– Товарищи офицеры, всех поздравляю с присвоением очередных воинских званий... не могу запретить вам сегодня отметить этот знаменательный в вашей жизни день. Но предупреждаю, кто опоздает на вечернюю поверку, у того завтра лично сорву врученные сегодня погоны и подпишу приказ об откомандировании с представлением к увольнению из органов безопасности. Все свободны!

Ротвейлер

Полковник Сорока грустно сидел напротив меня, плечи его были опущены, весь он какой-то был сморщенный и унылый:

– Да заведи ты это поганое заявление из парткома! Ты же перспективный офицер, тебе подполковника скоро получать, а ты из КПСС вздумал выходить! Нам с тобой дело Ювелира реализовывать, а тебя скоро из органов попрут! Я с кем брать его буду? Твоя ж разработка, год ковыряем, наружка копыта сбила, отушники¹ кучу мероприятий провели... А ты из партии надумал выходить. Да хрен с этим коммунизмом, ты и вступил-то в КПСС уже капитаном! Лучше бы не вступал...

– Я бы и не вступал, но мне майора не дали бы. А дело реализуем, пока приказ подпишут, да и не уволят меня быстро. Ничего в управлении кадров быстро не делается, сам там два года штаны протирал. Вы мне лично арестовать Ювелира дадите?

– Его скоро из органов попрут, а он на арест просится! Сиди, справки пиши, Хопов пойдёт арестовывать.

– А Хопову некогда, он за убийство в К...е отвечает, скоро на заказчика выйдет. Ему самому там помогать надо, всё же первое заказное убийство в истории современного независимого государства, возникшего на пепелище великого колосса!

– Вот, твою дивизию... создали управление по борьбе с оргпреступностью. Три сотрудника, да и то один политикой занялся!

– Да я не политикой занялся, товарищ полковник. Просто считаю, что оперработник должен быть свободным от политических оков. Если бы мы с вами не знали, что творят эти партийные боссы, я бы и не дергался. Я с ними рядом на толчок не сяду, не только в партии состоять буду... Вот и Ельцин после меня через неделю из КПСС вышел!

– Да никто здесь на это смотреть не будет, Ельцин – враг Горбачева, а тот – Президент СССР и Генеральный секретарь КПСС...

– Вот именно, и президент, и генеральный... Президент в такое время должен быть беспартийный. А мы, опера, тем более. Тошнит меня от КПСС, да и от всего в этой новой стране тошнит, честно... эта «...хизация» задрала...

– Но-но, товарищ майор, полегче... Мало тебе на беседе с заместителем председателя досталось и на партсобрании?..

– А что мне от зампреда досталось?.. Хорошо, что вдвоем были... Когда он на меня орать начал, я ему сказал: «Вы, товарищ генерал, на меня не орите, мы здесь вдвоем, и никто не слышит, «прослушки» у вас быть не может. Орать на меня не надо, а то и получить можно...» Раньше такое на дуэли выясняли... Он после этого своим пропитым лицом затрясся и попросил меня выйти. Вот и разговор весь! А на партсобрании я вообще просто спросил: «В новом названии нашей конторы «Комитет Национальной Безопасности» какая национальность подразумевается?..» Ну, покричали, ногами потопали... Кстати, все молодые офицеры, включая «коренную национальность», были за меня!

– Ну, вот это, майор... я этого не слышал и слышать не хочу. Хорошо, согласен, реализацию ДОР² на Ювелира бери на себя. Только быстро, пока не выгнали тебя. Когда брать объект будем?

– Да все готово, надо будет одновременно около двадцати обысков проводить. Мне нужна неделя, чтобы разработать план ареста объекта. Есть там одна проблема – ротвейлер...

¹ Отушники – оперативно-техническое подразделение Комитета государственной безопасности СССР, сотрудники которого занимались прослушиванием телефонов, негласным досмотром помещений.

² ДОР – дело оперативной разработки; в финальной стадии предполагало арест подозреваемого.

– Это что или кто? Или это опять псевдоним какого-нибудь источника нашего?

– Да нет, псевдоним агента Маугли, а ротвейлер – это собачка, с которой объект не расстается.

А брать его решили утром, во время утренней прогулки...

– Тьфу, у вас вечно какие-то псевдонимы... Вот у нас в Ивано-Франкивске всё просто: источник Мрия, доверенное лицо Коломыя. А у вас с Хоповым – Маугли... тьфу!

Ювелир, как всегда, вышел из дома в шесть утра. Прошел по двору своей пятиэтажки и вышел на тротуар, идущий вдоль улицы. «Наружка» вела его тихо и спокойно. Мой расчёт полностью сработал. Когда объект поравнялся с припаркованной к обочине одиноко стоящей машиной скорой помощи, из неё вывалилось чудище-юдище в костюме дрессировщика служебных собак. Ротвейлер охренел, Ювелир остолбенел. Мне оставалось самое простое – поставить объекту пистолет между лопаток и очень тихо сказать: «Не дёргайся, пристрелю!» Это в кино говорят: «Гражданин Пупкин, вы арестованы именем...» А в американском кино права зачитывают. В жизни всё проще. Я думаю, и американцы так же проводят аресты, если только это не Голливуд!

Пока я застёгивал наручники на Ювелире, его «злая» собака беззаботно бегала с новым другом, который бросал ему палочку, а потом незаметно пристегнул поводок и надел намордник. Этим новым другом был заведующий кафедрой служебного собаководства местного пограничного училища, целый полковник. Мы с ним провели несколько встреч, разрабатывая этот план. У полковника было одно условие – ротвейлер после ареста объекта отходил его питомнику. Трудно тогда было с породистыми собаками в погранвойсках!

Я шёл из нового здания теперь Комитета национальной безопасности в старое здание. Для этого надо было пройти по симпатичному скверу и мне это очень всегда нравилось. Занимаешься обратной стороной жизни, сыском этим самым, ковыряешься в человеческих экскрементах, читаешь сводки отушников, от которых уже тошнит... А потом выйдешь в сквер, чтобы дойти до этих самых отушников, «влезających в уши и дома граждан», и так хорошо! Понимаешь, что не из одних гадостей и мерзостей мир состоит.

По скверу навстречу мне шёл полковник Сорока:

– Ну что, поздравляю, герой! Хорошее мероприятие провели, тридцать килограммов золота изъять – это тебе не... я уже генералу доложил. Получил добро на поощрение личного состава.

Сорока взял меня за локоть и зашептал в ухо:

– Алик, отзови заявление. Мне вчера из парткома твой партбилет принесли, он у меня в столе лежит, заberi его! Говорят, что если партбилет возьмешь назад, то они заявление уничтожат, протоколы того партсобрания переделают. Заberi, бога ради, работать надо! А я тебе подполковника через пару месяцев подпишу...

Я стоял на крыльце серого здания, на котором вешали новую табличку синего цвета. Красиво на двух языках было написано «Комитет национальной безопасности Республики...» У меня в руках был зелёный, ещё советский, военный билет, в котором «... майор М. уволен из КНБ по статье... в связи с переходом в народное хозяйство».

Я повернулся, посмотрел на табличку и подумал: «А всё же непонятно, какой национальностью будет обеспечиваться безопасность?» Хотя и было понятно – какой... Я спустился в свой любимый сквер и пошёл к остановке автобуса. Начинался новый этап жизни, был апрель 1991 года.

Жаленков

Виктор Жаленков был в свои тридцать почти лыс, носил подтяжки, имел слегка навывкате задумчивые глаза и маленький животик. Опером он был неважным, но хорошо стрелял и имел одну сногшибательную черту – ему женщины давали сразу. Или почти сразу. И не делал он ничего особенного: смотрел с прищуром, красиво курил и... молчал. Я видел этот эффект, девки прямо за столом готовы были раздвинуть ноги. Феноменальная способность.

Его сослуживцы прыгали вокруг какого-нибудь смазливового следователя в юбке – подарки дарили, анекдоты рассказывали – а Жаленков мог на очередной пьянке тихо сказать ей в ушко: – Ну что, поехали к тебе...

Она тут же молча вставала, и они с Витей уезжали на такси. А все сидевшие за столом товарищи офицеры тихо сосали х... у пожилого зайца вместе с любителем этой поговорки Алексеем Николаевичем, который только что распушал свой павлиний хвост перед этим самым следователем в юбке.

За столом водворялась тишина, пока кто-нибудь не брякал:

– Ну, Жаленков, опять всех урыл... Ну что, товарищи офицеры, за нас! И чтобы не последняя!!!

В оперативной работе Виктор тоже применял свои чары. Но бывали и осечки. Очень остро тогда на всех совещаниях стоял вопрос с конспирацией в работе с агентурой, которую мы же и должны были вербовать из числа честных советских граждан. Надо было такие встречи проводить на конспиративных квартирах, которые каждый опер должен находить сам. Навербовал честных граждан и встречайся, пожалуйста, с ними на конспиративной квартире, где хозяин или хозяйка также честные и советские...

Беда с этими конспиративными квартирами была. Даже очень честные граждане и гражданки не очень хотели посторонних людей пускать в свою квартиру. Да ещё этот посторонний, будь он с красной книжечкой сотрудника КГБ, тащил с собой честных, но незнакомых... Люди находили массу отговорок, чтобы отказать тебе в возможности таскать в их квартиру посторонних, закрываться с ними в отдельной комнате и о чём-то шептаться и писать, писать, писать... Многие, особо храбрые, говорили просто: «Мой дом – моя крепость!» И невозможно было доказать, что интересы государственной безопасности диктуют раскрыть ворота этой самой крепости перед незнакомцами. Беда, короче, была с этими конспиративными квартирами и вербовкой их владельцев. Хотя Контора за это деньги платила этим самым владельцам и не очень маленькие по тем временам.

Виктор Жаленков в ходе какого-то совместного с милиционерами мероприятия познакомился с миловидным товароведом большого парфюмерного отдела крупного универмага. Товаровед была не молода, но стабильно состоятельна. Не было в достатке тогда в продаже французских духов, а советские женщины их любили. Хоть и был «железный занавес», но к хорошему привыкают быстро. Завезли как-то такие духи в страну и все... перестали советские дамы любить духи «Красная Москва». Но не могли советские внешние торговцы привезти в достаточном количестве духов в эту необъятную страну. Вот и катались, как сыр в масле, директора всевозможных торговых баз, заведующие отделов и секций универмагов и прочие работники советской торговли.

Как-то группа офицеров, куда я тоже входил, сидела в кабинете и тяжело обсуждала, куда пойти выпить. Был конец сложной недели. Бегали по каким-то дурацким «мероприятиям», что-то контролировали, что-то предотвращали. На душе у всех было гадко, хотелось выпить где-нибудь в укромном уголке, поболтать и пожаловаться друг другу на никчемную жизнь, на засилье партийных аппаратчиков, на эти самые «мероприятия», которые придумывали пар-

тийцы-чиновники. Уже была видна деградация и страны, и Конторы. Все понимали, что Перестройка несёт что-то неотвратимо дурацкое, бестолковое, даже страшное...

Вдруг сидящий понуро Жаленков предложил:

– Можно пойти на мою новую КК (так на своём оперском жаргоне мы называли конспиративные квартиры). Хозяйка в командировке.

– И она тебе ключи отдала на время отъезда... – хором сказало три-четыре голоса. – Витя, ты опять через постель вербуешь дамочек?

Последний вопрос повис в воздухе. Все уже отстёгивали кобуры пистолетов, прятали личное оружие и лежавшие на столах бумаги в металлические сейфы, судорожно их опечатавали своими, тоже металлическими, личными печатями.

...Начальник отдела был у нас очень хорош – красивый статный, выходец с севера, очень грамотный и дружелюбный к подчинённым некоренной национальности этой большой азиатской республики. Последняя черта была редка и поэтому очень ценилась нами.

– Товарищи офицеры, я собрал вас по поводу, который является вопиющим и дискредитирующим высокое звание сотрудника КГБ СССР. По данному факту начальником нашего управления, генерал-майором N назначена служебная проверка, – подполковник откинулся в кресле, устало расстегнул верхнюю пуговицу своей безукоризненно белой рубашки, ослабил узел галстука. – В общем, мужики, я хочу знать – что там произошло? Чтобы сохранить ваши задницы и заодно погоны, я должен знать всё подробно и в деталях. Думаю, что всем всё понятно. Кто первым будет докладывать?

Жаленков вскочил, опрокинув стул, остальные молча втянули свои худые шеи в плечи не очень глаженных пиджаков...

– Витя, сядь и спокойно всё расскажи. Остальным, б... молчать! – интеллигентность начальника быстро куда-то исчезла.

Жаленков поднял стул, сел, приняв служебную позу «проглотить кол», сглотнул громко, вытер испарину с лысой головы и сбивчиво начал:

– Алибек, извините, товарищ подполковник... Мы 21 марта поздно вечером приняли решение... немного расслабиться, устали... Ну, вот и поехали на КК, которую я приобрёл месяц назад... Хозяйка была в командировке, у неё хорошая квартира, около ЦУМа...

– Дальше, дальше, товарищ капитан, не стесняйся. Дальше что было? Уже понятно, что всё ваше стадо забыло правила конспирации и попёрлось на КК, которую ты только что в трудах праведных нашёл и завербовал на идейно-патриотической основе. Всё слышите, олухи?! Помните, что вы пишете в рапортах на вербовку? На идейно, б... патриотической... Я помню твой рапорт, Виктор, материалы дела... Что дальше?

– Взяли пять бутылок водки, закуски... Выпили водку быстро, закуски сожрали тоже. Не ели весь день, стояли в охране какого-то партийного пидора... Прошу прощения... Ну, вот я и открыл холодильник хозяйки, а там!..

– Я читал в материалах расследования, что сожрали весь сервелат, икру чёрную, выпили коньяк «КВВК»... Ну а на хера было французскими духами друг друга поливать?!

Подполковник закрыл служебное расследование через месяц, объяснив поведение его подчинённых нанесённым им моральным ущербом в виде значительно возросшего количества партийных мероприятий, где эти самые подчинённые осуществляли контрразведывательное обеспечение этих самых мероприятий.

Скинувшись во время зарплаты, мы восстановили нанесённый ущерб холодильнику, бару и парфюмерному столику КК. С КК Витя расстался, исключив хозяйку из агентурного аппарата... за ненадежность и расшифровку. Алибек его рапорт подписал.

После развала СССР и КГБ, Жаленков попал в Службу охраны Президента новоиспеченной страны, которая ранее называлась просто одной из советских республик. И здесь вновь

проявились его незаурядные способности сердцееда и обольстителя, но закончилось это всё не очень красиво. Во время продвижения по службе Виктору поступило суперсекретное предложение от руководства: подбирать и доставлять Первому девочек. Очень серьёзное задание. Очень ответственное и суперсекретное! Финал наступил быстро и неожиданно. Жена Первого, зная о похоти своего мужа, имела своих осведомителей среди сотрудников охраны. Жаленков был пойман «с поличным» во время сопровождения двух девок в секретную почивальню Первого. Виктор был уволен из Службы охраны без пенсии, а девушки депортированы из молодой, набирающей государственную мощь, страны.

Афган

Сержант

Моей дочери Марусе посвящается

Сержант медленно снял сапоги. Ещё медленнее, предчувствуя приятные минуты, разматывал левую, затем правую портянки. Улыбнувшись, весело зашевелил затёкшими пальцами ног, почувствовал успокоенность впервые за последние две недели, которые казались ему бесконечными. Прохлада от ног разошлась по всему костлявому телу. Успокоенность переросла в дремотную апатию.

– Я солнце, я яркое солнце, ноги мои свободны... – начал Сержант.

Но аутотренинг не пошёл, внимание было рассеянным, «яркое солнце» не появлялось, разум отказывался подчиняться, наполненный безразличием. Обув левый сапог, Сержант достал вчетверо сложенный лист бумаги грязно-зелёного цвета и в который раз за последние дни стал читать:

Памятка

воину Советской Армии

Советский воин, находясь на территории Афганистана, помни, что ты являешься представителем армии, которая протянула руку помощи народам этой страны в их борьбе против империализма и внутренней реакции...

Будь же достоин той великой исторической миссии...

Афганистан – государство Среднего Востока; его площадь... население...

не посещай без военной необходимости мечети, гробницы, кладбища...

декабрь 1979 года

Сержант перечитывал этот шедевр литературного искусства в очередной раз, и в очередной раз у него портилось настроение. Лучше бы не было такого «руководства к действию», как эта памятка. С её появлением стало вообще непонятно, что творится вокруг сегодня и что будет завтра. Особенно непонятно, кому нужно протягивать «руку помощи» с «военной необходимостью». Или «военная необходимость» потребовала «протянуть руку помощи»? Или...

Хороша рука помощи. Вчера весь день довооружали. В бронетранспортёре уже негде присесть: ящики с гранатами, запалами, патронами; осветительные ракеты; сухой паёк... Рука помощи... Высоцкий сказал бы по этому поводу что-нибудь похожее на «... это смутно мне напоминает индо-пакистанский инцидент...»

Сержанту понравилось, что гранаты выдали двух типов: и наступательные, и оборонительные. Исходя из этого, невозможно было понять стратегический замысел высшего руководства страны: протягивая «руку помощи», мы будем наступать или обороняться? или и то, и другое? Сразу вспомнилась дурацкая фраза: «Против кого дружить будем?» Как ни напрягал Сержант свои сержантские мозги, не мог вспомнить происхождение этой мысли. Да-а-а... служба в регулярной армии освобождает вас от накопленных знаний, не давая проникнуть иным. Сержант обрадовался рождению афоризма.

Вспомнился утренний разговор с испуганным замполитом роты. На вопрос:

– Зачем и куда мы так быстро и хорошо собираемся? – лейтенант ничего не ответил.

Затем он застегнул верхний крючок полевого френча, строго посмотрел и сказал:

– Сержант, много говорите! Смотрите, как бы... – что именно «как бы» лейтенант не уточнил, только скомандовал, – кругом! Шагом марш!

Сержант свернул памятку, натянув правый сапог, вновь огляделся вокруг. Апатия прошла, накатила волна тревожного, неопределённо вздёгнутого состояния. Как перед нырком вниз головой в детстве. Когда страх противно цепляет за горло, перехватывает колени, но назад уже дороги нет, надо прыгать, иначе пацаны засмеют. Примерно такое чувство Сержант испытывал последние две недели после прощания с женой на безымянном полустанке недалеко от родного города.

Полк Сержанта грузился в железнодорожный состав, увязывались намертво к платформам боевые машины, настроение у личного состава было весёлое, бесшабашное. Ещё не знали, куда и зачем едут. Жена прибежала за час до отправки. В это время Сержант впервые пожалел, что ему удалось после учебной части попасть служить домой, в свой родной город. Служил на расстоянии в несколько автобусных остановок от дома, чем был в последние месяцы очень доволен. Это самодовольство обернулось сейчас тревожными страшными глазами смертельно напуганной женщины.

– Ты что так на меня смотришь, жена? Куда бы мы ни ехали, скоро дембель³, а он, как известно, неизбежен!

Шутки не получилось, глаза жены ещё сильнее потемнели, стали ещё страшнее. Позже Сержант часто думал: «Как она догадалась? Неужели на самом деле существует женское сердце-вещун»?

Не было же ещё тогда сообщений в газетах, наполненных идиотским энтузиазмом, об оказании интернациональной помощи. О долге, который мы должны отдать далёкой стране Среднего Востока. Не было номеров «литературки» с фотографиями милого мусульманина в чалме, целящегося в невидимую цель. Тогда вообще ещё ничего не было. Как ничего не было 21 июня 1941 года. А она чувствовала. Может быть, сердце ей подсказывало, что в старой военной типографии в этот самый момент уже набирали текст памятки. И уже задрожали руки седовласой наборщицы, прочитавшей первый экземпляр и понявший смысл этой страшной бумаги.

Сержант встал, встряхнул головой, страшные глаза жены исчезли. Он стоял на плоской крыше бронетранспортёра, вернее того, что ранее было им.

Боевая машина имела грустный вид. Песок поглотил все восемь колёс выше оси. Задняя часть была смята «в гармошку».

– Грустно начинаем свой путь, воин-интернационалист, – сказал себе Сержант, коснувшись разбитого носа и правой части скулы, где был прилеплен пластырь.

Сразу же вспомнились события двухчасовой давности, когда ехавший сзади танковый тягач из ремонтной роты врезался в бронетранспортёр Сержанта. Первой мыслью было: «Всё, начались эти самые “боевые действия”». В отсеке стояла пыль, на губах вкус крови вперемешку с песком. Очнулся окончательно лишь тогда, когда подтянулся на руках и выглянул из люка. Майор, ехавший по-походному в переднем отсеке, лежал на песке недалеко от правого борта БТРа, ощупывая разбитое лицо. Откуда-то сзади бежал бледный, с выпученными глазами боец последнего призыва, вероятно, водитель злосчастного тягача. Воин лепетал:

– Товарищ майор, товарищ майор, я не... Товарищ майор, вытирая рукавом разбитое лицо, отвечал коротко:

– Убью, с-сука...

Сержант оглядел внушительную громаду тягача. Хорошо, если этот парень хотя бы у себя дома в деревне водил трактор, а то он сейчас такого наделает в этой заграничной командировке!

³ Дембель – в советское время военнослужащие последних шести месяцев службы.

Как учат солдата в учебных подразделениях, Сержант знал не понаслышке. Сам стрелял до этого лишь два раза по три патрона. Видел, как на соседнем танкодроме молодые войны упражнялись в чистке «гусянок» и стволов орудий. Как будущие механики-водители многотонных машин дружно маршировали на импровизированном полевом плацу – зелёной лужайке. Тут же рядом закусывал сержантский состав. Разговевшись на солнышке, вытянувшись на молодой травке, сержанты покрикивали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.